

КОНФИСКАЦИИ ВОТЧИН НОВГОРОДСКОГО ВЛАДЫКИ И МОНАСТЫРЕЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА*

В историографии существует две основные точки зрения на историю конфискаций земель новгородских духовных феодалов в последней четверти XV в. Для первой точки зрения основанием служат летописные известия о мероприятиях 1478 и 1499 годов. В 1478 году прежний политический строй Великого Новгорода был ликвидирован Иваном III. В связи с этим новгородский владыка потерял 10 волостей, а шесть крупнейших монастырей, игравших особую роль в социально-политической системе Новгорода (Юрьев, Антониев, Аркажский, Благовещенский, Михайловский на Сковородке, Никольский Неревский), лишились «половины волостей»¹. Среди событий января 1499 года летописи сообщают о том, что «поимал князь великой в Новгороде вотчины церковные, и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные, по благословиению Симона митрополита»². Мнение «о двукратной секуляризации церковных земель при Иване III» еще в 1871 году высказал А. С. Павлов³. В дальнейшем его точка зрения не получила распространения. Ее можно встретить только в работах общего характера, не содержащих специального анализа проблемы и не акцентирующих вообще внимания на этих событиях⁴.

Уже А. И. Никитский в работе 1879 г., отталкиваясь от точки зрения А. С. Павлова, обнаружил по сути совершенно иное понимание проблемы. Он не сомневался, «что вторичная секуляризация новгородских церковных владений была не мерою, принятою, как сообщает летопись, в 1499 году по благословиению митрополита Симона, а скорее медленным процессом, который шел по пятам за описанием Новгородской земли московскими писцами, начавшимся, как известно, в 1491 и 1492 г. По крайней мере, дошедшая до нас писцовая книга Деревской пятины 1495–1496 годов показывает ясно, что во время ее составления секуляризация новгородских церковных земель уже совершалась. Противоположно первой эта вторичная секуляризация распространялась не на одни только богатейшие монастыри, но одинаково и на менее значительные и даже на церкви»⁵. Заметим, что писцовая книга Деревской пятины была известна и А. С. Павлову, который даже использовал ее данные для доказательства масштабности новой конфискации. По-видимому, разнице в датах летописного известия и датировках писцовой книги он просто не придавал значения⁶.

Окончательно точка зрения, противоположная взглядам А. С. Павлова, сформулирована в работе Б. Д. Грекова 1914 года: «Если действительно (в чем сомневаться не приходится) новая конфискация земель произошла в 1500 г. (точнее, по смыслу, в 1499 г. — А. Ф.), то следов ее не может быть в писцовой книге Деревской пятины 1495 г., а те несомненные и яркие следы, которые в этой писцовой книге налицо, свидетельствуют лишь о том, что между 1478 и 1495 г. отбиралась земля у старых владельцев и, может быть, даже и не один раз. И Софийский Дом не избежал общей участи... В этот промежуток времени (с 1478 по 1499–1500 г. — А. Ф.) отобрано было у св. Софии очень много земли, но сколько раз вообще отбирал Иван III земли

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант № 03-01-00080а).

¹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 319.

² ПСРЛ. М., 2000. Т. V. Вып. 2. С. 252.

³ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. С. 32–36.

⁴ По-видимому, эта точка зрения представлена в работах А. А. Зимина (Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 199); А. Л. Хорошкевич (См. Хорошкевич А. Л. Русь и Восточная Европа в XIII–XV вв. // История Европы. Т. II: Средневековая Европа. М., 1992. Ч. 2. Гл. 8. С. 456); вероятно, Р. Г. Скрынникова (См.: Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 37).

у Новгорода и, в частности, у новгородской церкви, пересчитать очень трудно, даже просто невозможно: великий князь конфисковал у новгородских бояр землю несколько раз; возможно, что и владыка новгородский разделял с новгородскими боярами общую судьбу. Если говорить об очень заметных массовых конфискациях Софийских земель (каждая из этих конфискаций, в свою очередь, может распадаться на несколько отдельных моментов), то и тогда мы только от 1478 г. и до первых лет XVI в. можем указать не на две «секуляризации», а на три: первая — 1478 г, вторая — в промежутке времени от этого года до первой переписи и третья — около 1500 г. Во время третьей конфискации отобраны были, например, земли погостов Деревской пятины в размере 485 обжа... Псковская летопись под 1500 г. отметила, по-видимому, только факт беззакония, совершенного с благословения митрополита, и ничего больше, — а всем конфискациям, пережитым Новгородом, она легко могла потерять счет»⁷. Землями, конфискованными в Деревской пятине в 1499 г., Б. Д. Греков считал те, что в упомянутой писцовой книге числились за владыкой, а в середине XVI в. ему уже не принадлежали⁸. В том же духе, вслед за Б. Д. Грековым, высказывался позднее А. П. Пронштейн⁹.

Главной чертой послегрековской историографии является отсутствие четко выраженной позиции¹⁰. С одной стороны, полное умолчание летописных источников о масштабной секуляризации до 1499 г. — на фоне нескольких известий о конфискациях светских вотчин — казалось исследователям по меньшей мере странным. И в то же время тезис Б. Д. Грекова о проведении основных конфискаций у духовных феодалов до 1495 г. задавал «район поиска» в диапазоне 1478–1495 г. Данное противоречие решалось по-разному. В. Н. Бернадский предположил, что конфискации земель Дома св. Софии произошли одновременно с арестом владыки Феофила 19 января 1480 г.¹¹, о котором сообщают летописи: «Князь же великий изыма архиепископа Новгородскаго в Новегороде Феофила в коромоле и посла его на Москву и казну его взя, множество злата и сребра и съсудов его»¹².

Позднее этот тезис повторяется в работах других исследователей. Я. С. Лурье писал о том, что после 1478 г. «конфискация церковных земель в Новгороде производилась, по крайней мере, еще два раза: вскоре после ареста новгородского архиепископа Феофила в 1480 г. и в 1500 г.»¹³ (конечно, в первую очередь речь идет о конфискации в 1480 г. земель св. Софии, но, возможно, в представлении Я. С. Лурье — и монастырских вотчин?). А. П. Пронштейн писал о конфискации земельных владений архиепископа без ссылки на источник сведений¹⁴. Н. А. Казакова полагала, что «по-видимому, у владыки земли отбирались в 1480-м году»¹⁵. Р. Г. Скрынников по поводу владычных земель высказался неопределенно. С одной стороны, «в 1499 году московские власти **вторично** (выделено мной. — А. Ф.) наложили руку на земельные богатства Софийского дома в Новгороде». Естественно, что первый раз это произошло при ликвидации независимости в январе 1478 г., когда ко Дворцу было отписано 10 поименованных летописцем волостей. Но далее исследователь пишет: «В 1479 году Софийский дом потерял почти половину владений»¹⁶, и

⁵ Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 193.

⁶ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. С. 35.

⁷ Цит. по кн.: Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии // Избранные труды. М., 1960. Т. IV. С. 158–159.

⁸ Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии. С. 186.

⁹ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 200.

¹⁰ Здесь не рассматривается мнение о первой конфискации в 1476 г. (И. В. Лепко, А. П. Пронштейн), критику которого см.: В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля. М.; Л., 1961. С. 319.

¹¹ Бернадский В. Н. Политика Ивана III // Ученые записки Ленинградского государственного пединститута. Л., 1947. Т. 61. С. 104.

¹² ПСРЛ. М., 2000. Т. XII. С. 198.

¹³ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 102.

¹⁴ Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке. С. 199.

¹⁵ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: первая треть XVI века. Л., 1970. С. 54.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. С. 37.

остается только гадать, что имелось в виду: январь 1478 (тогда половина владений — это те самые 10 волостей) или январь 1480 года. В целом в отношении владычных земель отмеченное выше противоречие в послегрековской историографии решалось благодаря наличию рассказа об аресте архиепископа, хотя никаких данных о конфискации земли он не содержит. Поэтому проблему нельзя считать решенной.

Нет в летописях подобных рассказов и о монастырских вотчинах. Из этой ситуации в рамках грековской традиции были возможны разные выходы. Н. А. Казакова писала о «последовательной конфискации земель у новгородской церкви» «на протяжении последней четверти XV века»¹⁷, А. С. Хорошев — о 1483 и 1492 г. как «времени крупнейших конфискаций земельных владений бояр и церкви»¹⁸, что позволяет отнести этих исследователей к сторонникам второй точки зрения в ее первоначальном варианте. Т. И. Осьминский в разделе коллективной монографии, посвященном Деревской пятине, отнес конфискацию земель 15 монастырей к 1478 году¹⁹. Тем самым он попытался согласовать момент конфискации с данными летописного рассказа, но крайне неудачно: летописи совершенно определенно говорят именно о 6 монастырях. Остальные исследователи в части, касающейся монастырских вотчин, фактически вернулись к точке зрения А. С. Павлова, не акцентируя на этом внимания. Например, В. Н. Бернадский писал о том, что в отличие от ликвидации боярского землевладения к концу 80-х г. XV в., «с монастырскими вотчинами дело затянулось, кажется, еще на целое десятилетие»²⁰. Так или иначе, ныне принято обобщенно говорить о конфискациях последней четверти XV в. Между тем аргументированное решение проблемы весьма существенно для понимания изменений в структуре землевладения в Русском государстве, особенностей земельной и социальной политики московского правительства, взаимоотношения светской и духовной властей и других вопросов.

Как уже отмечалось, единственным аргументом А. И. Никитского и Б. Д. Грекова против точки зрения А. С. Павлова была датировка писцовой книги Деревской пятины 1495 г. Эта дата, однако, не есть результат источниковедческого изучения уникального документа. Она была позаимствована у его издателей, которые ушли от анализа имеющихся в книге хронологических ориентиров. А в большинстве исследований рукопись, и вместе с ней само описание земель, получили необоснованно широкую дату: 1495—1501 годы²¹. Приходится констатировать, что эта широкая датировка не соответствует требованиям современного источниковедения, различающего в писцовой книге дату проведения письма и дату создания рукописи. К сожалению, вообще изучение писцовых книг как источника до сих пор остается малоразвитым и сильно отстает от изучения их содержания.

Предпринятое мной специальное исследование²² позволяет выделить в писцовой книге Деревской пятины три пласта информации: 1. Черновые записи писцов. Они датируются заголовком книги, временем выдачи льготных грамот (7004 год); 2. Информация, внесенная составителем

¹⁷ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: первая треть XVI века. С. 54.

¹⁸ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 143.

¹⁹ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 88.

²⁰ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. С. 322.

²¹ См., напр.: Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских // Записки Русского географического общества. 1853. Т. VIII. С. 12; Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. I. С. 28, 29; Егоров В. А. Новое исследование новгородских писцовых книг // ЖМНП. 1917. Ч. 71. № 9. С. 89—107 / Рец. на кн.: Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. I. С. 90—91; Абрамович Г. В. Новое письмо 1495—1505 гг. // Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. С. 15; Бассальго Л. А. Комментарий к писцовым книгам Шелонской пятины // Колмогоров А. Н. Новгородское землевладение XV века. М., 1994. С. 88; Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. С. 23; Буров В. А. Опыт реконструкции системы описания новгородской волости Жабна в 1495—1501 гг (по историко-археологическим данным) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1995. С. 65.

²² Подробнее см.: Фролов А. А. Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495—1496 годов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17) С. 55—69.

рукописи. Важнейшие основания датировки — записи о перемене землевладельца в 7007 году и о лишении волостей И. Ю. Патрикеева и его сына (в Тверском сборнике — 31 января 1499 г.). Записи сделаны основным почерком, но не согласуются с содержанием подворного описания 7004 года, где отражена ситуация до этих изменений; 3. Приписки на полях рукописи другим почерком о передаче земли в поместье в 7007 (31 случай) и 7008 (8 случаев) г., отражающие изменения, неизвестные составителю рукописи. Эти и ряд косвенных данных датируют письмо в Деревской пятине временем не ранее осени 1495 — не позднее осени 1496 г., а работу над рукописью — между осенью 1498 и концом 1499 г., причем несомненно, что работа шла после января 1499 г. Ясно, что конфискация января 1499 г. не могла быть не замечена составителем рукописи. Попробуем отыскать указания на нее в этом источнике.

Земли, отписанные на великого князя, но еще не переданные в поместье, составляли фонд оброчных земель, описание которых в каждом погосте помещалось перед другими категориями владений (поместьями и вотчинами). В писцовой книге Деревской пятины по составу сведений четко выделяются две группы земель оброчного фонда. В группу 1 входят земли, отобранные у светских владельцев, а также земли двух монастырей (Аркажского и Никольского из Неревского конца). Их описание обладает всеми необходимыми характеристиками, в т. ч. сведениями о «старом доходе» и размерах наместничьего корма.

Группу 2, состоящую исключительно из земель владыки и монастырей, отличает полное отсутствие сведений о «старом доходе» и наместничьих кормах. Данная особенность этой писцовой книги отмечается и в позднейших документах писцового делопроизводства²³. Исследователи уже давно заметили ее, но какой-либо трактовки не предложили²⁴. Ничего подобного в книгах других пятин нет.

Осталось, однако, не замеченным прежде, что от владений вотчинников, не подвергшихся конфискации, оброчные земли группы 2 можно отличить только по месту в описании земель погоста (то есть в самом начале, а не в самом конце рубрики, содержащей данные о землях погоста) и соответствующему сопроводительному тексту-титуду, поскольку в книге Деревской пятины, в отличие от других новгородских книг рубежа XV—XVI в. данные о доходе с вотчинных земель также не указывались. Но последовательность описания различных категорий владения определялась составителем рукописи, а не писцами, поэтому она датируется временем между осенью 1498 и концом 1499 г. Чтобы определить владельческий статус земель группы 2 в 1495/96 г., необходимо обратиться к подворному описанию, поскольку составитель рукописи в принципе не способен был редактироваться его содержимое, не выезжая «в поле». И здесь легко обнаружить, что писцы всегда характеризовали владыку и монастыри, чьи земли оказались в группе 2 оброчных земель, как современных, а не бывших владельцев. 1) в Заборовском погосте на бывших землях Спасского Хутынского монастыря «д. Соболево. А в нем двор монастырской, а в нем ключник их монастырской Костя»²⁵; 2) в Вельевском погосте на бывших землях Пречистенского Ццилова монастыря «д. Кучково: дв. ключник Ивашко Онисимков»²⁶; 3) только сделанное предположение объясняет ошибку, допущенную составителем при компоновке описаний Жабенского погоста: после описания волости Жабна, «что бывала владычня», описан «на

²³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17141. Л. 40 об., 228, 262, 311, 313, 314 об., 349 об., 426 об., 427 об.; № 17143. Л. 46, 48, 80 об., 151 об., 168; Ф. 137. Новгород. № 4-г. Л. 149 об.

²⁴ См., напр.: Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. С. 48; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 321; Осьминский Т. И. Крестьянское хозяйство // Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 103; Бассальго Л. А. Новгородские писцовые книги рубежа 15—16 вв.: справочник по статьям доходов, мерам и ценам // Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПКНЗ). Т. II. СПб, 1999. С. 298.

²⁵ Новгородские писцовые книги (далее — НПК). Т. I. Стб. 16—17.

²⁶ НПК. Т. I. Стб. 224.

погосте в Залуцье погост *владычнь*²⁷, после которого опять помещено описание оброчного владения, конфискованного у Спасского Хутынского монастыря; 4) несколько раз составитель допустил ошибки обратного свойства: описания конфискованных земель он поместил там, где обычно находились вотчинные монастырские, т. е. после поместных и до своеземческих: бывшие земли Спасского Хутынского монастыря в Налесском погосте²⁸, владычные и Пречистенского Антониева монастыря в Наволоцком погосте²⁹; 5) в волости Жабна Жабенского погоста, «на погосте ж два двора *волостелины, а в них живут тиуни*»³⁰. Этот текст, как и текст следующего пункта, традиционно воспринимается как свидетельство наличия в центре погоста представителей великокняжеской администрации. Однако едва ли можно объяснить, что они здесь делают. Если в этих эпизодах в волостеле и тиунах видеть должностных лиц владычного аппарата³¹, то все становится на свои места: это была одна из самых крупных волостей Дома св. Софии, и в том, что при владыке здесь находились волостели с тиунами, сомневаться не приходится; 6) аналогично в Молвятицком погосте в волости, «что бывала владычня», описан «на Городище двор *волостелин*»³².

Таким образом, оброчными земли группы 2 стали не до 1495/96 года, как полагали А. И. Никитский и Б. Д. Греков, а уже после — но не позднее конца 1499 г. Поэтому естественной представляется датировка этого выдающегося события именно январем 1499 года, что одновременно позволяет откорректировать датировку начала работы над рукописью, т. к. уже на первых ее листах мы встречаем «бездоходные» оброчные земли³³.

Таким образом, для Деревской пятины оказывается возможным составить точный и практически полный список земель, подвергшихся секуляризации в январе 1499 года. Сравним состав владельцев этих земель (Таблица 2) со списком тех, кто лишился вотчин еще раньше, к моменту письма 1495/96 г. К землям последней категории помимо оброчных земель группы 1 отнесены и те, которые по книгам конца XV в. были уже переданы в поместье или состояли в дворцовом ведомстве³⁴ (Таблица 1). Естественно, здесь не учтены те волостки, о передаче которых в поместье известно из приписок на полях рукописи, содержащих дату: 7007 или 7008 г.

Таблица 1. Земли, конфискованные у новгородских духовных феодалов, доход с которых указан

№	«Старый» владелец		форма владения по новому письму	Источник
1	Владыка		Дворцовое	ПКНЗ. Т. 1. С. 29, 81.
2	монастыри	Аркажский	Оброчное	НПК. Т. I. Стб. 3, 847, 851; НПК. Т. II. Стб. 689.
			Поместное	НПК. Т. II. Стб. 123, 784, 799, 803.
3	монастыри	Никольский из Неревского конца	Оброчное	НПК. Т. I. Стб. 1 ³⁵ ; НПК. Т. II. Стб. 124.
4		Юрьев	Дворцовое	ПКНЗ. Т. I. С. 47, 68, 70.
	Поместное		НПК. Т. II. Стб. 806.	

²⁷ НПК. Т. I. Стб. 630.

²⁸ НПК. Т. I. Стб. 807.

²⁹ НПК. Т. II. Стб. 460–462.

³⁰ НПК. Т. I. Стб. 612.

³¹ См. напр.: НПК. Т. I. Стб. 786 (двор владычного тиуна на погосте); ПКНЗ. Т. I. С. 210 (доход в пользу владычного волостеля).

³² НПК. Т. I. Стб. 652.

³³ Первый случай: НПК. Т. I. Стб. 14.

³⁴ Описание дворцовых земель Деревской пятины содержалось в отдельной писцовой книге — также письма 7004 г. Ее отрывок сохранился в виде копии XIX в.: ПКНЗ. Т. I. С. 29–81.

³⁵ Принадлежность деревень установлена по платежнице Деревской пятины 1542/43 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17149).

Таблица 2. Оброчные земли группы 2

№	«Старый» владелец	Источник
1	Владыка	НПК. Т. I. Стб. 14, 321, 612, 630, 652, 684, 738; НПК. II. Стб. 132, 461, 467, 472, 503, 504, 631.
2	монастыри	Андрея Св. с Ситны
3		Духов из Неревского конца
4		Ильи Св. с Прусской улицы
5		Кирилов
6		Михаила Св. с Сквородки
7		Никиты Св. с Никитской улицы
8		Никола Св. с Лядки
9		Никольский Соколич, что против Лубяницы
10		Покровский с Прусской улицы
11		Пречистенский Антониев
12		Пречистенский Щилов
13		Рождественский, что против Рогатицы
14		Спаский Хутынский

Сравнение содержимого двух таблиц позволяет заключить, что до января 1499 г. от конфискаций в Деревской пятине пострадали только владыка (волость Пирос и одна деревня, принадлежавшая волости Белая Никольского Шереховичского погоста, — обе волости названы в летописи в рассказе 1478 года) и монастыри, названные летописцем в том же рассказе (Аркажский, Никольский из Неревского конца и Юрьев). Следовательно, писцовые книги Деревской пятины, так же как и летописный текст, не дают оснований говорить о конфискации в 1480 г. земель у владыки Феофила. Они содержат позитивные данные, которые подтверждают правильность представлений А. С. Павлова относительно конфискаций как владычных, так и монастырских земель. Строго говоря, предположение о конфискации земель между 1478 и 1496 г. допустимо только для Юрьева, Аркажа и Никольского Неревского монастырей, поскольку летописный рассказ 1478 г. приводит только суммарные обежные оклады отобранных у них земель, и у нас нет возможности напрямую доказать, что среди монастырских земель из таблицы 1 нет таких, которые были отписаны на великого князя позднее 1478 года. Попробуем хотя бы оценить вероятность такого хода событий. Для этого обратимся к источнику, позволяющему «проконтролировать» владельческий статус земель, отраженных в таблице 1, в период между 1478 г. и 1496 годом.

Таким источником является разводная грамота, зафиксировавшая границы Новгородской и Ржевской земель середины 80-х г. XV в.³⁷, которая свидетельствует о принадлежности волостей Стерж и Лопатицы еще Аркажскому монастырю. На первый взгляд, это подтверждает точку зрения Б. Д. Грекова, по меньшей мере, в отношении данного монастыря. Однако при

³⁶ Отметка о передаче в поместье в 7007 г. сделана другим почерком. Описание земель утрачено за исключением первых строк, поэтому судить из текста о наличии сведений о доходе нет возможности. Но никаких оснований полагать, что данный монастырь был исключением из правил и лишился земель до 1499 г., нет.

³⁷ См.: Кучкин В. А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1984. С. 165–176; Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 89–90.

³⁸ ПКНЗ. Т. II. С. 113. Прим. 153.

ближайшем рассмотрении это не так. Известна выпись из приправочной книги Обонежской пятины Андрея Лихачева 1563/64 года, сохранившаяся в деле 1593 г. Новгородской приказной избы об отделе поместья, которая содержит следующий текст: «В том же во Егорьевском погос[те вол]остка Николская Аркаского монастыря [Настась]инская Ивановы жены Григорьева, а пожа[ловал] их князь великий, дал им ту волость на обмен [прот]ив Буйца да Лопастиды. А деревень все[го], которые в пашню впущены и с вопчею 64, а [обеж] 104 с полуобжею...»³⁸. Эта запись была сделана на оборотной стороне листа. Она представляет собой вариант описания волостки, содержащегося в основном тексте (точнее вариант его фрагмента):

«В Обонежской пятине в Егорьевском погосте на Паше на Кожеле за Семым за Нестеровым сыном Скобелдына царя и великого князя, что бывали в помесье за Ондреем за Михайловым сыном Козлова...

В том же Кожелском погосте волостка Николская Аркажского монастыря, всего деревень и с теми, которые в пашню впущены и с вопчею 64, а обеж 70 пол-5 обжи...»³⁹.

Надо полагать, что причиной появления вариантов является использование в качестве источника выписи не самой писцовой книги, а ее списка — приправочной книги, изготовленной для справки при проведении нового описания. Известно, что приправочные книги могли дополняться информацией из других источников. Вариант оборотной стороны процитированного документа более полно отражает владельческую историю волостки, а «беловой» вариант не воспроизводит его слово в слово и расходится с ним в размере обежного оклада. Вероятно, «вариант оборота» появился в приправочной книге из иного, нежели писцовая книга Андрея Лихачева, источника. Несмотря на ошибку, возможно допущенную автором «оборотного» варианта в определении старого владельца волости Буйцы, едва ли следует отвергать достоверность сведений в целом: волость Буйцы (по книге конца XV в. — розданная в поместье волость Юрьева монастыря), так же как и соседние Лопастиды, были не конфискованы у своих прежних владельцев, а обменены на земли в Обонежской пятине. Таким образом, даже для Юрьева, Аркажского и Никольского Неревского монастырей вероятность конфискаций между 1478 и 1496 г. мала, а оснований предполагать ее нет вообще. По-видимому, следует говорить об обмене некоторых земель у этих монастырей. Таким образом, на современном этапе изучения проблемы нет сомнений в том, что вплоть до 1499 года основной массив земель церковных феодалов в Деревской пятине оставался в их распоряжении.

Значение секуляризации 1499 г., степень ее влияния на землевладельческую структуру Деревской пятины позволяют оценить диаграммы 1 и 2, обобщающие статистические данные, извлеченные из писцовой книги письма 1495/96 г.⁴⁰. На диаграмме 1 представлена доля церковных (владыки, монастырей и погостских церквей) имений в общем объеме земель до падения независимости Новгорода и их судьба в конце XV в. До 1478 года по учтенным данным церкви принадлежало 32 % всех земель на территории пятины (7299 обеж)⁴¹. В 1495/96 г. за прежними владельцами все еще оставалось 5892,5 обеж (81 %). Из них в 1499 году было отобрано 2813,5 обжи, то есть в один момент церковь лишилась 48 % своих вотчин. Основной удар принял владыка (75 % от владений 1495/96 г.), значительно меньше пострадали монастыри и церкви (у них было отобрано 27 % земель, числившихся за ними в 1495/96 г., но в качестве компенсации они получили другие земли — ок. 44 % от конфискованных, поэтому реальная убыль земель у них составила лишь 16 %).

³⁹ ПКНЗ. Т. II. С. 112–113.

⁴⁰ Для сопоставимости объемов земель в разные исторические моменты все подсчеты произведены по итогам «нового письма», содержащимся в самих книгах. Действительные цифры могут лишь незначительно отличаться от приводимых ниже (из-за возможных пропусков описания целых волосток). При невозможности воспользоваться итогами по волосткам, восстановление проводилось по писцовой книге Жихоря Рябчикова, Платежной книге 1542/43 г. или описанию деревень. При подсчетах использованы материалы базы данных «Писцовые книги Деревской пятины письма 1495/96 г.», созданной Н. В. Пиотух и А. А. Фроловым.

Диаграмма 2 позволяет оценить изменения, которые произошли в структуре землевладения Деревской пятины вследствие секуляризации 1499 г. — в сравнении с ситуацией 1495/96 г. Если еще во время проведения писцовых работ вотчинный сектор (владыка, монастыри, приходские церкви, своеземцы) занимал 33 % всего земельного фонда, то тремя годами позже он сократился до 21 %, причем из них 2 % составляли земли, полученные монастырями в качестве компенсации за старые вотчины. Соответственно, на 12 % выросла доля «великокняжеского» сектора.

Предложенная корректировка существенно меняет представления о географии землевладения Новгородской земли последней четверти XV в., ведь аналогичные процессы протекали и в других ее пятинах. Правда, писцовые книги других пятин не дают столь же точной статистики, поскольку не содержат описаний вновь конфискованных земель с такими четко определяемыми признаками: для земель любой категории в них указан доход. Что же касается Водской пятины, книги которой сохранились также достаточно полно, то ее описание проводилось в 1499/1500 году и, вероятно, фиксировало уже новую ситуацию.

Констатируя двукратную конфискацию церковных земель, невозможно согласиться с объяснением причин мероприятий 1499 г., предложенным А. С. Павловым. Проведение второй секуляризации, вслед за К. А. Неволным, он связал с завершением писцовых работ по всей Новгородской земле, в результате чего «могло открыться, что список половины волостей владычных и монастырских, поданный великому князю при покорении Новгорода, был неполон и неправилен»⁴². Он, однако, не обратил внимания на то, что от секуляризации 1499 г. пострадали именно те монастыри, на земли которых в 1478 г. Иван III не посягнул, а у владыки тогда были взяты конкретные волости, поэтому в обоих случаях писцовое описание не могло обнаружить никаких земель, якобы укрытых хитрыми церковниками от государева ока.

По-видимому, правильнее говорить о секуляризации 1499 г. как о «пробном шаре» политики Ивана III в отношении церковного землевладения. Не случайно в общерусском масштабе тот же вопрос был поставлен на церковном соборе всего лишь четырьмя годами позднее. Ее политическое значение тем более велико, что, как отмечал еще Б. Д. Греков, конфискация 1478 г. не была секуляризацией в полном смысле этого слова. Он охарактеризовал ее как «результат завоевания, а не акт внутренней политики»⁴³. Правота такого взгляда подтверждается исследованиями В. Л. Янина, который доказал, что шесть монастырей, лишенных земель в 1478 г., входили в структуру особого государственного института — Новгородской архимандритии. Наряду с Домом св. Софии, они являлись важнейшими элементами республиканской политической структуры — «монастырями-магистратами»⁴⁴. Ликвидация их экономического могущества была необходимой мерой в искоренении самостоятельности Великого Новгорода.

---

⁴¹ «Государственными» землями условно названы те, для которых не указан старый владелец: Холмский погост, волости Морева, Велила, Смерда. Проблема «государственных» земель имеет обширную историографию и в настоящее время остается дискуссионной. Здесь она не затрагивается, поскольку к теме работы имеет лишь косвенное отношение.

⁴² Неволн К. А. О пятинах и погостах новгородских. С. 11; Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. С. 35.

⁴³ Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии. С. 158.

⁴⁴ Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 118–127; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 136–149; Янин В. Л. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН. М., 1998. С. 911–922.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

